

18+

ДЕЙСТВОВАТЬ ВНЕ РАМОК

«Ты можешь быть, кем хочешь, если позволишь себе пойти туда, куда хочешь.

Быть осознанной, гармоничной, целеустремленной личностью важно, можно и необходимо, чтобы дойти до жизни своей мечты и испытать все, что когда-то казалось недостижимым и нереальным.

Главное — сделать первый шаг и понять, что мы в ответе за себя.»

Инеcса Дуденкова

A handwritten signature in white ink, appearing to be 'Inessa Dudenkova', written in a cursive style.

Инесса Дуденкова

Действовать вне рамок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70453624

ISBN 9785006253063

Аннотация

Ничто и никто не остановит вас на пути к цели? Насколько важно быть с собой? Книга для тех, кто задумывается о своем бизнесе, но ему не хватает рывка: нет источника вдохновения. В книге собраны откровения о пути автора, которые для многих станут посылком к действию. Автор своей книгой призывает доверять себе и своей интуиции; полюбить себя, чтобы реализовать задуманное. Своей жизнью автор показывает, что провалов нет, только опыт. Книга вдохновляет на действия, и вы точно осуществите свои мечты.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Предыстория. Семья	8
Папа	8
Мама	13
Отчим	17
Бабушки	26
Сестры	28
Глава 2. Детство закаляет нежные сердца	30
Переезд в Нижнекамск	30
Шоколад	45
Репетиция сценария жизни	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Действовать вне рамок

Инеcса Дуденкова

Посвящаю эту книгу своей маме

Редактор Любовь Мельникова

© Инеcса Дуденкова, 2024

ISBN 978-5-0062-5306-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Порой то, что нам кажется самым реальным, не является действительностью.

Единственное, чему можно верить и что всегда с нами – любовь. Даже когда закрадывается мысль, что её нет, верьте, что любовь рядом. Просто каждый понимает её по-своему.

Введение

Огонь – это мой страх детства. Я училась преодолевать его и обнаружила, что пламя ассоциируется у меня с успехом.

Огонь – это выражение моего внутреннего Я, это мой внутренний творческий ребёнок. По знаку телец, трансцендентный рак, в натальной карте мой аркан солнце, код миллионера.

Я решила поделиться своей историей, потому что на себе испытала что значит искать себя. Во всех смыслах. Вспоминаю себя в подростковом возрасте, когда не было ни поддержки, ни понимания, куда двигаться и что делать. Только желание выжить. Я хочу показать, что рождение в неблагополучной семье не дает повода опустить руки и «забить» на свою жизнь. Что в этой вселенной возможно всё, если захотеть.

Книга и для тех, кто задумывается о своем бизнесе, но не хватает рывка пробить очередной финансовый потолок: нет источника вдохновения.

В книге собраны откровения о моём пути, которые для многих станут посылом к действию и реализации. Также я делюсь в ней своими фишками и видеоуроками.

Желаю вам научиться доверять самой себе и своей интуиции. Полюбите себя и тогда у вас непременно получится реализовать задуманное. Не бойтесь про-

валов, а снова и снова делайте и пробуйте.

Надеюсь, моя книга вдохновит вас начать действовать, и вы сможете осуществить свои мечты.

Глава 1. Предыстория. Семья

Папа

«Ненавижу тебя, пошёл прочь», – из кухни летел мамин красивый, приглушенный закрытым окном и сумерками, голос. Правда, он был нестройным из-за выпитой бутылки очень недорогого вина.

«Ты даже за девочками не приглядываешь», – отец тогда купил себе коньяка по случаю получения какого-то заказа. Или просто так – не помню.

«А что за ними смотреть-то. Разберутся что к чему, – голос мамы чуть смягчился. – И поймут, наконец, что их отец...».

Мама не договорила.

Тихий шлепок, словно удар плетью по крупу лошади.

«Как ты смеешь?»

Глухой удар кулаком по столу.

Звон разбивающегося стекла.

Пугающая тишина – и через секунду удар распахнувшейся двери о стену и летящие в спину папы неразборчивые для пятилетней девочки слова.

Когда мне исполнился год, мы с семьей переехали из Смоленска в Нижнекамск, тогда ещё совсем молодой город. Он был своеобразной экспериментальной площадкой советского тогда правительства для воплощения новых идей и приёмов строительства городов. Ощущение, что и меня зацепило одним из механизмов, только опробовать свои методы воспитания на мне решила ставить сама жизнь.

Как это? Интересно и в моменте непросто, но когда впитываешь, принимаешь, осознаешь и «пересобираешь» себя заново, понимаешь, что жизнь дала тебе безграничные возможности. Только кто-то получает их через всем известные формы любви, а кто-то, как я, через особые условия воспитания.

Именно потому, что город строился, папа часто был в командировках. У нас была небольшая двухкомнатная квартира тогда почти в центре города. Со временем она стала окраиной. Можно ли сказать, что это стало началом конца – нет, не думаю. Те семь лет до убийства отца были очень познавательными.

Ругались родители нечасто, папы просто мало было дома. У нас была среднестатистическая семья, которая приехала осваивать новый город и новую жизнь в надежде найти счастье. Мы ходили гулять в парк, осенью – в лес за грибами. Смеялись, ссорились, ругались, получали от родителей за дело или просто так.

Пожалуй, это будет сама короткая глава, но она важна, по-

тому что это моя семья, какой бы она не была: добросердечной, строгой, жизнерадостной, безучастной. Это часть меня. И без этого не понять, как я достигла той ступени, на которой сейчас нахожусь. Вопреки или благодаря.

Отец был очень активным, творческим, разносторонним человеком, брался за разные профессии. Его предприимчивость и доброта помогли ему осваивать всё, что он хотел.

«Володь, сможешь в выходные помочь поставить нам кухонный гарнитур? – спрашивал кто-нибудь из двора нашего дома. – Недели две стоит купленный, никак не пойму как к нему подступить».

«Да не вопрос», – улыбался папа и мы шли гулять дальше.

Оставшееся время до выходных в свободное время он изучал как работать с электрическим инструментом или собирать кухонный гарнитур. Папа брался за всё, что предлагали, если что-то не умел – учился: начиная с готовки до сборки какого-либо сложного прибора. Искал информацию, спрашивал товарищей на работе и в результате помогал. Ощущение, что в эту жизнь он пришел, чтобы освоить всё, что можно, если есть такая возможность.

Папа редко когда расстраивался или показывал свое плохое настроение. Наоборот, каждый вечер он приходил и приносил нам с сестрой по киндер-сюрпризу. Мы с замиранием получали шоколадные подарки и бежали в свою комнату, чтобы там освежить свою коллекцию маленьких пластиковых игрушек. Если же мы болели, получали по два шоко-

ладных яйца. Злоупотребляли ли мы этим – остаётся на совести прошлого.

Не помню, чтобы он кричал на нас. В душе романтик и предприниматель, примерно года через два они с другом запустили сеть магазинов продуктов питания «Фактория», которые до сих пор были очень востребованы и работают. Возможно, я переняла дух свободы, который он в себе сдерживал: папа мало когда работал на кого-то, он стремился к независимости. Сначала соглашался сделать работу, потом изучал как и что делается. В будущем этот навык стал ключевым и для меня, когда жизнь предоставляла в очередной раз возможность подняться.

Каждую субботу и воскресенье мы с отцом оставались у бабушки, его мамы. Вместе смотрели мультики Дисней, обсуждали, играли в Морской бой или просто читали. Было по-домашнему уютно, несмотря на то, что рядом не было мамы. И те дни скрыты под избирательной памятью, но то время заложило в меня какой-то росток, которому ещё только предстоит взойти.

Мы с сестрой любили отца и радовались каждой возможности ему помочь или хотя бы не мешать. Как-то мы вернулись из садика, который был по соседству, и увидели в коридоре автомобильные шины. В каждой из четырех штук торчали деревянные колышки, словно кто-то прокатился по большому кактусу. Выглядело страшно, и мы подумали, что это наш папа наехал на что-то и просто не успел

очистить резину от мусора. У нас тогда был «Запорожец», наверно, один из первых автомобилей в районе.

Мы с сестрой молча переглянулись, наспех скинули обувь и подбежали к покрышкам.

– Наверно, его вызвали куда-нибудь, он не успел все вытащить, – предложила я, дотрагиваясь ручками до колышка. Гладкие, без заноз.

– Да, давай вытащим, – предложила сестра.

Меня второй раз просить не надо было. Вечером, когда папа пришел домой, мы гордые выбежали его встречать. Он молча осмотрел резину, потом поднял взгляд на наши светящиеся мордашки, вручил нам по киндеру и пошёл умываться. Только спустя пару недель мы догадались, что добавили папе дополнительной работы: он этими колышками как раз латал дыры.

Предпринимательство – предприимчивость – брать на себя ответственность за выполнение определённых задач. Это у меня от папы: навык быстро принимать решение и тут же делать первый шаг.

Его убили, когда мне было 7. Здесь история делает небольшой поворот, который сильно повлияет на мою последующую жизнь, и я стала тем, кем стала. Но тогда было больно, обидно и непонятно, зачем забирать отца. Он жил как мог, старался для семьи.

Мама

Мама есть. Она почти полжизни проработала дворником – это всё, что я помню. Скорее всего, не ради денег – здесь папа старался как мог, чтобы закрыть финансовые потребности. Перед рождением моей сводной сестры, уже после смерти отца, она работала диспетчером лифтовой службы: сутки через двое она уходила, чтобы принимать вызовы на неисправные лифты и иногда ругаться со звонящими.

Отношения у нас с матерью были сложные, потому что, в основном, я принадлежала сама себе. Когда родилась младшая, заботу о ней спихивали на меня. Я заменила ей маму во всех смыслах: кормила, гуляла, позже из садика забирала, ещё позднее покупала на свои деньги одежду. Но от мамы я слышала лишь упреки и насмешки, что я «никто и ничего не добьюсь в жизни».

Мама очень методично и успешно воспитывала во мне убеждение, что я всегда кому-то что-то должна, что я должна обеспечивать не только себя, но и её, и сестёр. Позже она мне укажет на это прямо, подав в суд на алименты. Я до сих пор поддерживаю семью, но только уже с другим чувством.

Несмотря на это, каждый раз, когда мы с сестрой искали её по району, было страшно, что мама не найдётся и придётся жить после самостоятельно. Было страшно потерять второго родителя.

Хотя, по сути, мама жизнерадостная, не тратила время на бессмысленные разговоры или действия. Она была на удивление здравомыслящей, обдумывая каждый шаг. Хитрость часто спасала её на работе и во время сложностей с деньгами. Про таких людей говорят: «Себе на уме». Хотя часто мама делала вид, что готова многое сделать для окружающих, но только если дело не касалось её семьи.

Позже алкоголь сделал своё дело, и мама утратила четкость взгляда. Хотя до последнего мама способна была ответить так, что взрослые мужчины задумывались.

Многие считают, что человек появляется в этом мире не просто так, и что душа ребенка сама выбирает себе родителей. Поэтому они «должны» приложить максимум усилий, чтобы позволить малышу вырасти осознанным, сильным, открытым и самостоятельным.

Мама. Мама сделала всё возможное, чтобы я к 25-ти годам стала миллионером. Первым миллионером в нашем роду.

Мама – тот человек, которому я благодарна за то, что она меня родила. И благодарю жизнь, что она стала именно такой: я прошла через всю мамину любовь и так добилась успеха. Да, у меня не было детства в понимании маркетологов: белоснежная улыбающаяся семья за круглым столом обедает и обсуждает планы на выходные. Но у меня было нечто большее: желание души скорее повзрослеть и расправить крылья.

Маме я много лет помогала, но она продолжала воро- вать даже когда приходила ко мне в гости. Последние 5 лет мы не общались, сильно отделились друг от друга. И мне всё равно, что говорят: «Отпустите обиды на родителей – и жизнь развернется к вам». Моя жизнь уже давно смотрит на меня с мягкой улыбкой и манит новыми проектами и ступенями к своей мечте. И не смогу я отпустить обиду на нее, потому что ее нет. Не удалось специалистам найти во мне черноту по отношению к семье: я принимаю это как часть моей жизни. Как песчинку на личном пляже.

Но отпускание обиды и её отсутствие не значит, что ей есть место в моей жизни. Помните поговорку «Ведёт себя как слон в посудной лавке»? Я не хотела, чтобы она постоянно била и крошила мои чувства, топтала моё восприятие мира и всячески пыталась доказать, что мой фарфор не стоит её керамики.

Я выросла и быстро стала самостоятельной благодаря маме. И именно поэтому я решила быть дочерью на расстоянии. Так спокойнее. Когда в 2019-м г приняли правки в Семейном кодексе, что родители могут предъявлять своим детям требование алиментов на свое содержание, она позвонила как-то ночью:

– Ты должна меня содержать! – в голосе чувствовались алкогольные волны, которые почти каждый вечер уносили маму от переживаний бытия.

– Я несколько лет перечисляю тебе. Только ты не на то

тратишь, – вечер у меня был непростым. Два выступления и переговоры. Мою оборону можно было в любой момент пробить, но я держалась.

– На что я трачу – это не твоё дело, – слова врезались мелкими тупыми осколками, которые лишь спустя время кожа начинает отторгать. – Ты давно не переводила. Ты обязана мне платить. Я тебя воспитывала.

– У меня не было возможности, – я набрала воздуха и на одном дыхании продолжила: – Мне надо было заплатить за квартиру и поставщикам. Завтра или послезавтра я получу аванс и переведу сколько смогу.

– Не забудь, что сестре надо зимнее что-то купить.

Мама дала мне возможность пройти этот путь, который научил ценить радости, мелкие радости, быть благодарной и сильной – как мне не благодарить её?

Эту главу пришлось немного переписать. В начале января пару дней было странное ощущение темноты и вязкой реальности. Пятого января 2024 г ночью внезапно проснулась, и мир словно поделился на до и после, а днём сообщили, что мамы больше нет.

Отчим

Отчим младше моей матери на семнадцать лет: они сошлись, когда ему было двадцать. Он же старше меня всего на одиннадцать лет.

Его родители были против их свадьбы: он только вернулся из армии и не знал, чем заняться. Его никто не ждал по возвращении, у него было лишь образование сварщика.

Любящие родственники стали искать ему невесту, но мама была быстрее.

Рабочая профессия сделала из него мужчину, который всеми четырьмя лапами стоит на земле и не питает никаких иллюзий, что может быть что-то иначе в этой жизни, и что звезду с неба можно сорвать, если захотеть. Он влюбился в мою маму. Устроился на завод. Через пару лет появилась младшая сестрёнка. Было многое, но он всегда относится к нам троим спокойно, старался быть отцом, как мог. Чувствовалось, что у него было детства вдоволь.

Спустя лет десять он пришёл ко мне в гости в свою же квартиру, которую я у него снимала.

– Инесса, как ты относишься к тому, если я уйду от твоей мамы? – голос звучал, словно он сомневается вкладывать ли все свои сбережения в новый бизнес.

Я почти не думала:

– Нормально отношусь, – я наблюдала, как у него бук-

важно выпрямляется спина, пока мои мысли оформляются в слова. – Я вижу, что мать тебя тащит за собой в этот алкоголь.

– Да, – плечи на секунду опустились, но взгляд уже изменился. Отчим не просил у меня ни разрешения, ни совета, он просто очень устал от бессмысленности такой, уже превратившейся в сожительство, жизни. – Но дочь и вас я постараюсь поддерживать, как смогу.

– Спасибо, это не помешает, – он действительно делал, что мог. Он до сих пор так поступает.

Мы поболтали ещё немного о заводе, с которого я тогда уже ушла, про сестрёнку и разошлись каждый по своим мыслям и делам. Спустя месяц он съехал от мамы. Вскоре познакомил меня со своей избранницей и будущей женой. Я – Крестная его сына. Общение совсем светлось «на нет» после рождения дочки – почему-то меня не воспринимала его супруга. Отчим и по сей день работает на местном «Нижекамскнефтехим» сварщиком.

Служил в Чечне. И вообще он планировал жениться на другой, но что-то пошло не так. Он выбрал не молодую и перспективную, а опытную и с детьми – мою маму. Определённые моменты в жизни по-разному влияют на каждого из нас. Кто-то не может перенести потери любимого брелочка и ключей заодно, кому-то всё равно на утрату близкого человека. Но я уверена, что внутри моменты, которые принято называть негативными, влияют на каждого из нас. Про-

сто кто-то говорит о них, а кто-то предпочитает переживать внутри.

Война же – особый случай. Сколько проведено исследований и сколько раз доказано, что подобные моменты кардинально меняют психику человека, который это пережил, особенно, если участвовал непосредственно в военных действиях. И я не оправдываю сейчас никого – каждый должен нести ответственность за всё, что случается в его жизни, пусть и кажется, что это не по его желанию – я лишь рассказываю предысторию.

Сама история будет короче, потому что память и эти моменты всё чаще скрывает от меня, предпочитая, чтобы я радовалась и отдавалась настоящему, а не пыталась «работать» с травмами прошлого. Честно, эти «проработки», «работа со своими установками/блоками» и прочие «работы» настолько уже режут слух от своего изобилия и уж переизбытка, что хочется выкрикнуть: «Я не хочу работать, я хочу жить и получать удовольствие от того, чем занимаюсь». И это не работа, это уже образ жизни.

В общем, белая горячка посещала иногда наш дом, конкретно: отчима, после чего он становился неуправляемым, начинались ругань и драки. Поножовщины, к счастью, не было. Не могли с этим справиться ни мама, ни я. Мне было проще: я в любой момент могла послать их и съехать, что и сделала в итоге. Но спустя год-два, на протяжении которо-

го я была Дон Кихотом, который борется с ветренными мельницами. Я терпела до последнего, так как опасалась за младшую сестрёнку.

Попадало мне часто, потому что как только организм переставал справляться с количеством выпитого, отчим начинал буянить и распускать руки. Мама в эти моменты прикрывалась мной, потому что была уверена, что её женщина не поднимает руку на девочку, к тому же и дочь. Но она ошибалась. Крепко ошибалась. Каждый раз ошибалась, когда случалась передозировка алкоголем.

Как-то возвращаюсь домой. День был непростым: после работы я разносила заказы косметики, потом мы встречались с подругой, которая тоже заинтересовалась сетевым бизнесом – мы с ней ездили в офис оформлялись, после чего ещё час я вводила её в курс дела. Захожу на кухню голодная, как комары летом. Мойка грязной посуды – видимо мама покормила младшую, себя и не прибралась – черным пятном выделялась на более-менее прибранной кухне. Я старалась следить за этим, и когда было время, прибиралась.

За спиной в проёме кухни кто-то появился.

– Опять не прибрано? Почему? – нетрезвый голос отчима влетел в вязкий воздух кухни не наточенным клинком.

– Не знаю. Я только пришла, – мои ноги непроизвольно попятились к столу в центре кухни. – Когда уходила, чисто было. Я прибралась за всеми.

– Не вижу, чтобы ты что-то делала, – отчим стал наступать

так же медленно, как отступала я. – Ни черта не делаешь, только деньги проедаешь мои.

– Какие деньги? Продукты я покупаю на всех, – мне показалось, что я стала оправдываться. Отступить больше некуда было. В висках застучал гонг или что-то очень звонкое и тяжёлое одновременно.

– Ни черта. Ты. Не делаешь. Грязь кругом. Хочешь, чтобы я жил в этом? Чтобы мать твоя жила в этом? – и его голос стал разрастаться и заполнять пространство кухни. Было ощущение, что ещё немного – и стекла окон полетят в мою спину.

Отчим сделал резкий выпад в мою сторону. Я запнулась о ножку стула и полетела прямо в его лапы. Щёку полоснуло как ножом, только крови не было видно. На языке стало солёно, если бы я пробовала в детстве гематоген, то сказала бы, что во рту у меня было как после этой конфеты. Но нет, просто кровь. Благо, зубы были на месте. Я вывернулась, попала кулаком в мужское правое плечо и выбежала в коридор. В спину неслись ругань, чуть позже – моя же кружка. Видимо, вся остальная посуда была в мойке.

Тогда был нежный март, но в спешке я не взяла ничего и не успела надеть ботинки. Выскочила из квартиры в домашних тапках. Захлопнула дверь, выбежала на лестницу и пробралась на два пролета вверх нашей пятиэтажки. Только там выдохнула. Щека горела, сердце готовилось выскочить, словно оно устало работать в такой обстановке.

Ощущение, будто вот-вот заболеешь, но всё равно надеешься, что пронесёт, поэтому не спешишь пить жаропонижающее и вообще что-либо делать.

Стоять на лестничном марше было прохладно, темно и жутко. Дом был прибраным, почти никто не сорил, все следили за хулиганами, но всё равно подъезд есть подъезд. Послышался звук открывающейся двери. Время тянулось бесконечной распускающейся нитью. Казалось, прошло полчаса перед тем, как двери открылись и ко мне навстречу вышла баба Зоя.

– Инесса, деточка, что ты тут делаешь? – она поставила сумки с продуктами на пол и стала во внутреннем кармане пальто искать ключи. Лет восьмидесяти, невысокая, полная, ей было тяжело, но она всё равно сама ходила в магазин, сама прибиралась и обслуживала себя.

– Баба Зоя, здравствуйте. Гуляю, – я обхватила себя за плечи и улыбнулась.

Старушка наконец вынула ключи, запахнула пальто и внимательно на меня посмотрела. Прямой, открытый взгляд, от которого не хочется ничего утаивать. Да и не утаишь.

– Кто на этот раз? – вопрос вышел мягко и плавно, но резонировал так, что меня сначала словно окатили водой из проруби, а затем бросили в русскую печь.

– Отчим.

– Пойдём, чаем напою с пряниками. Мать-то скоро придёт? – голосом, не терпящим возражений, она подняла сум-

ки, подошла к своей двери, поставила их вновь и открыла дверь.

– Часа через два должна, – ответила я уже в коридоре квартиры, помогая бабе Зое раздеться. Зоя Константиновна была младшей из четверых детей. Она знала, что такое ухаживать за братьями и сёстрами. Только помимо этих обязанностей у них было своё хозяйство с курами, овцами и даже двумя коровами. Послевоенное время работала медсестрой. Эта женщина, с виду кроткая и всегда отзывчивая, повидала крови и различных увечий, включая травмы и неосязаемого характера – душевные.

Она напоила меня чаем, угостила свежими пряниками и рассказала одну из своих бесконечных историй из детства. Её родители был крестьянами, жили на земле. Отец ушёл на фронт лишь в 42-м. «Не отпускали бабы его, и не только мамка да тётка, которая жила с нами, но и все бабоньки деревни нашей, – улыбалась Зоя Константиновна, словно это было обыденным делом для неё. – Все мужики ихние ушли, остались только деды седые, которые не различали уже ничего и никого. Отцу-то и пришлось собирать урожай на всей деревне. Кого-то похоронил, кому-то роды принял. Животные телились в то время только так. В общем, как собрал всю деревню, чтобы с голоду не померли, так и ушёл. До весны упросили остаться, чтобы помог засеять огороды да поля. Через четыре месяца родилась я, недоношенной. Отец меня матери оставил напоследок. Да так и не вернулся взглянуть».

Ей быстро пришлось повзрослеть. Подростком она уже работала на заводе и шила бельё на всю страну. Жили в двух комнатах. «Маме повезло, но я так и не знаю, как мы получили тогда две большие комнаты почти в центре Ленинграда». Несмотря на отсутствие детства, как мне казалось, её рассказы про это время были полны теплоты и игривости.

«Помню, как мы получили свою первую зарплату. Выбежали на улицу и остановились как вкопанные. Мелочь брякала в карманах. Ещё дети, по сути, но уже с деньгами. А что делать-то с ними? Ну, родителям отдать, братьям и сёстрам что-то купить. Мы решили побаловать себя мороженым, а остальное отнести в семьи. Это был худший день в моей жизни, – голос Зои Константиновны дрожит, но она берёт себя в руки. – Бежим мы в парк, сентябрь был тёплым, как июль. На входе лоток с мороженым, рядом женщина в светлом. Улыбается нам. Мы к ней подходим и спрашиваем какое мороженое есть. Её глаза надо было видеть, хотя в лицо она нам не рассмеялась: „Одно“. И достаёт по рожку в фольге».

«Но почему это самый худший день, Зоя Константиновна?» – спрашиваю я осторожно. Чай уже давно закончился и мне нечем было скрыть мелкую дрожь.

«Потому что не попробовала я его. Уронила, растяпа. Засмотрелась на голубя, запнулась и – бряк, белое пятно на асфальте, – вздохнула Зоя Константиновна. – Следующий раз был примерно через год-два, когда я наконец приобщилась

к этому лакомству».

Это было не раз, когда я проводила время то по соседям, то по друзьям. Иногда и босиком на снег выбегала. Не думаю, что я была одной – просто это не афишировалось, мы мало знали друг про друга в школе. С виду мы все причёсанные, умытые, одетые, но на поверку кроме обёртки ничего нет. Как и у одноклассников: никто не говорил, что дома у них произошёл скандал, все говорили про новые покупки, хвастаясь родителями и их достижениями. Но за что я еще благодарна школе и детству – за Татьяну Сергеевну, которая присматривала за мной, иногда звала на чай или оставалась после уроков расспросить как дела и помочь словом. Больше она ничего не могла сделать. Надо было лишь ждать, пока я вырасту и стану самостоятельной. Когда-то это должно было случиться.

Бабушки

Бабушка по отцовской линии недолюбливала меня. Вернее, она не принимала почему-то мою маму. Может, потому что отец пошёл наперекор и женился. Может из-за того, что она было одинока и сын, мой папа, был её единственной отрадой. А я попала «под горячую» руку, так как очень была похожа на маму.

Помню, года четыре мне было. Пришла к бабушке, она блинов нажарила. Чай заварила. Было уютно и тепло, пахло домашним счастьем. У нас тогда с едой в доме были перебои, и желудок почти никогда не переставал напоминать о себе. Поэтому когда перед тобой стоит чашка с горячим сладким чаем и стопкой блинов, ты отдашь любимую куклу, чтобы хоть прикоснуться к детству.

Было вкусно, но спустя полчаса меня стало шатать. Сначала в глазах заискрили мелкие светлячки. Затем внезапно день сменился на вечер, так быстро в глазах потемнело, в голове, а затем и в животе стали разрываться маленькие бомбочки боли – и я потеряла сознание. В больнице мне сделали промывание и через пару дней отдали родителям. Позже я узнала, что моя родная бабушка пыталась отравить меня таблетками для сердца: так ей не нравилась моя мама.

Мне давно перестали нравиться слова типа «сложности» и «трудности». Всё опыт, всё в копилку нашего развития.

Поэтому непростые, местами жутко интересные отношения в семье закалили характер и показали, как лучше не поступать с людьми, если не хочешь получить бумеранг.

И он вернулся моей бабушке, к сожалению: у неё нашли сахарный диабет. Семью словно сдуло: тёти, дяди, которые иногда приходили к ней, пользовались её расположением, перестали звонить и навещать. Бабушку накрыло серое одиночество, которое словно октябрьский дождь настойчиво вынуждает вас скрыться под крышей и не показываться на улице, где вы могли бы встретить свою судьбу.

Память редко меня подводила, но я не раздумывая взяла бабушку на попечение. У меня и мысли не было, что можно поступить иначе. Не знаю, был ли это какой-нибудь психологический момент типа «Я играю роль родителя» или демонстрирую своё Эго, но до последнего вздоха я помогала бабушке: ухаживала, покупала продукты, готовила и кормила, делала уколы, прибиралась. Хотя, даже после.

По маминей линии бабушка тоже болела, и отношения были аналогичными, но общались мы с ней крайне редко.

Сестры

Наша семья считалась неблагополучной, так как мама злоупотребляла алкоголем, денег всегда не хватало, особенно после смерти папы. В школе нам помогали либо одеждой, либо деньгами на неё, а в колледже кормили. Какие ощущения: не помню, воспоминания потонули в памяти, спрятавшись под грифом «Как я не хочу жить».

До сих пор поддерживаю связь с сестрами. Но с младшей намного реже, потому что на неё сильно влияла мама. И сейчас сестрёнка не принимает мой стиль жизни и отношение к ней, а я не могу до неё достучаться. Вся моя помощь словно неокрепший росток в итоге засыхает от бездействия сестренки и её неприятия. Она не хочет работать и мечтает жить «просто так».

Это всё, что я хочу сказать про семью. По крайней мере, было нескучно. Если бы я верила в карму или родовые программы, то закопалась бы в поисках предков, которых можно было бы обвинить в своей жизни. Но у меня хорошая жизнь, счастливое детство – и это не самовнушение: я другого не знала – у меня были мама, папа, бабушки и сестрёнки.

Но, конечно, самое интересное началось на школьной скамье, где я часто была в центре внимания.

Принцип: пробовать новое, изучать что-то каждый день.

Глава 2. Детство закаляет нежные сердца

Переезд в Нижнекамск

О детстве стали задумываться лишь в XVIII в., открыв, что мир ребёнка – особый мир со своими законами, проживанием, страхами, болезнями и радостями. Что в принципе у ребёнка есть свой внутренний мир, и он крайне отличается от взрослого.

Некоторые ученые и психологи полагают, что память – это результат самонаблюдения. И она выступает строительным материалом для возведения будущего. Если так, то камни для своего пути я создала сама: мои воспоминания неточны и, вероятно, не всегда полны. Бессознательно мой мозг не хотел загромождать память тем, что может помешать мне идти с необходимой скоростью. Он отработал часть материала, взял необходимое и остальное отбросил шелухой.

Обрывочные воспоминания. Помню, мне года четыре. Папа приехал из очередной командировки. Мама встречает его в прихожей, наблюдает, как он раздевается, проходит на кухню, выпивает стакан воды и вместе с сумкой идёт в гости-

ную. Мы с сестрой радостные бежим его обнимать. Возможно, кто-то из нас вручил ему самодельную открытку.

Помните, в девяностых у нас появились куклы. Не Барби, но похоже. Я уже сама забыла, но этот кусочек долгожданного пластика с волосами и модной одежде, которую мы не могли себе позволить позже, почему-то помню.

Папа достал из сумки одну такую и вручил сестре. Одну куклу. Вручил старшей сестре. Та с горящими глазами повисла у него на шее, а я закричала:

– А мне куклу? Ты меня не любишь?

Никто не ожидал. Наверно, даже я. Мама встревожилась, подошла ко мне и попыталась обнять, но я увернулась и уставилась на папу. Слезы было уже не остановить.

– Инесса, любимая, конечно, я тебя люблю, – папа протянул руки и попытался обнять меня. – Доченька...

– Я тоже хочу куклу! – голос у меня всегда был звонким, поэтому папа чуть отпрянул, и улыбка на мгновение пропала с его губ. – Не любишь ты меня.

– Дочка, я люблю тебя. Просто ты не особо...

Я уже не слышала, потому что убежала в свою комнату.

Эти обрывочные воспоминания приводят меня к мысли, что я с детства любила добиваться, чего хотела. Некоторые назвали бы это капризом – не спорю, я не снимаю с себя ответственности за все детские истерики и капризы, которые я с удовольствием устраивала родителям. Требование внимания проявилось во мне чуть позже во всей красе, что дало

изумительные плоды в виде театра и огненного шоу.

Но это *было* в будущем. Именно «*было*», потому что сейчас новые замыслы и новые вдохновения, а шоу и театр – уже воплощённая реальность.

Итак, капризной и требовательной мне пришлось быть недолго – так продолжалось пока наша семья была полной. В будущем я если и устраивала подобное, то только себе и то любя. Однако здесь появляется первый момент, который стал поворачивать мою судьбу или подсказывать, о чем мне стоит задуматься: принимать всё как дар, который помогает мне расти. Включая такие моменты, как неполучение куклы.

«Как ты могла до такого додуматься или запомнить, если это было в четыре года?» – спросите вы и будете правы. Но на то бумага нам и дана, чтобы высказываться, что-то обдумывать и вспоминать. Скорее всего, это были поздние более взрослые мысли, но я уверена, что каждый день важно проживать по максимуму, потому что каждый день дает нам возможность совершенствоваться. Иначе для чего мы здесь?

Помимо желания быть единственной в центре внимания, я была любопытной и самостоятельной. После очередной хорошо выполненной работы папа купил нам с сестрой по паре ботиночек со светящейся подошвой. Одеваешь и ходишь – ступня подсвечивается. Мы день проносились во дворе, затем немного по коридору в квартире. И вдруг меня осенило: – А что там светится? – спросила я сестру, которая чуть

не налетела на меня от неожиданности. – Давай разберем, что там пищит?

Мы быстро реализовали задуманное, не учли только одного: сборка обуви в первозданный вид. Было бы хорошо, если после этого остался хоть один лишний шуруп, но дело осложнялось тем, что подошвы надо было приклеивать, и почему-то они даже не прикладывались обратно к резиновой подошве: мешали откуда-то взявшиеся проводки и какие-то прочие непонятные штуки.

В общем, ботиночки мы проносили пару дней, а то, что осталось от них после наших опытов, выбросили за кровать. Вечером того же дня папа спросил как нам новая обувь. Мы с сестрой переглянулись и пожали плечами:

– Мы не можем их найти. Пришли вечером домой, разделись. А сейчас – нет.

И очень убедительно развели руками и пожали плечами.

Искали наши растерзанные боты всей семьей ещё месяц. Затем пришлось родителям идти покупать новые пары. На этот раз все было в рамках принятых норм: без прикрас и привлечения внимания.

Папа мог позволить себе покупать нам подобные вещи, потому что он не упускал ни одну возможность заработать. И часто сам искал их, если они долго не шли навстречу. Уже тогда он открыл вместе с другом магазин «Фактория». Он вскоре стал местной торговой сетью. Сейчас это сеть мага-

зинов на остановочных павильонах.

Тогда это был один киоск, поэтому купленный на продажу товар часто лежал у нас в квартире. Помните, как мы все собирали вкладыши от жвачек. Turbo, Love is.... Сейчас они вновь появляются в магазинах и нашей памяти, но это уже другая история, которая мне не импонирует. Нет смысла жить в прошлом, тянуть хоть что-то из отжившего, если впереди много неизведанного и потенциально более существенного, важного и ценного для тебя.

Так вот, приходим мы из садика однажды домой и видим новое поступление товара: на полу в углу аккуратно лежат несколько блоков жвачки, сигарет, шоколадных батончиков. Мы подошли и присели. Пахло фруктами вперемежку с пластиком и картоном. Но нас это не испугало. Мы отошли, разделись и ушли в свою комнату. Но яркие, еще непознанные коробочки с заманчивыми картинками манили и не давали покоя. Мы, не сговариваясь, бросили свои дела и вновь оказались в заветном углу.

На следующее утро папа отвёз весь товар в киоск на продажу. Он внимательно все пересчитал, улыбнулся нам, пожелал хорошего дня и ушел. Только по весу тогда можно было догадаться, что одна коробочка жвачек Turbo чуть легче другой. Только через неделю обнаружилась наша шалость, но, как говорится, всё должно быть вовремя. Поэтому нас не отругали. Не сделал это папа ещё и потому, что нас любили и баловали, оберегали и ценили. Хотя, это была первой

причиной.

Именно такие моменты важно помнить, чтобы на подсознании всегда был тыл: твои родители делали, что могли, и поэтому ты такая, какая есть.

Переехав в Нижнекамск, мы сразу стали жить отдельно. У бабушек были свои квартиры. И это тоже дало сильно положительный вклад в сознание: семья как ячейка общества должна быть самостоятельной, как и каждый из её членов.

К папиной бабушке мы приходили каждую субботу и часто оставались на воскресенье, причём, вместе с папой. Бабушка Инна ненавидела маму и регулярно пыталась забрать нас от неё после его смерти. Были моменты как в фильмах, когда один из родственников забирает ребенка к себе и не даёт видеться никому с ним. Так и нас бабушка Инна забирала, но через пару-тройку дней приезжала мама и отвоёвывала обратно. Не знаю почему в бабушке было столько сожалений в нашу сторону, но если это считать приключением, то мы с сестрой заядлые путешественницы.

Бабушка по маминой линии не очень нас жаловала и редко приглашала к себе. Единственный момент помню: лет в двенадцать мы три летних месяца жили с сестрой у бабушки, затем к нам присоединилась двоюродная сестра.

Мама пошла в бабушку: она была строгим человеком. Эта черта сильно помогает в достижении целей, но при воспита-

нии это не сильно хорошая история. Позже я на подопечных своего театра в этом убедилась: строгим можно быть, если при этом любишь, потому что тогда в твоих глазах всегда будет нежность и искры счастья и участия. Я не помню, чтобы бабушкин взгляд был ласковым: но это не укор, вспомните какое время им пришлось пережить.

Мне было лет шесть. Пришли к бабушке по маминной линии на день рождения. Тогда нам буквально накануне отец купил по резиновой игрушке. То ли щенок, то ли динозавр, то ли медведь. Не суть, помню, что-то розовое. Естественно, что с новой игрушкой не хочется расставаться ни на минуту. Вот мы с сестрой и пришли на праздник с занятыми руками и играли весь вечер с ними.

В какой-то момент нас позвали пить чай с тортом. Пришлось выпустить игрушки, помыть руки и сесть за стол. Больше нам не довелось прикоснуться к ним ни разу. Но я видела, как они стояли в шифоньере за стеклянными вставками. Бабушка не отдала нам их, даже не объяснив причину.

– Инесса, прекрати, тебе Павлик отдал мяч, – Татьяна Павловна сидела рядом на корточках и держала меня одной рукой. В другой у неё был зелёный мячик, который я всегда выбирала из корзины с игрушками. Об этом знала вся группа. – Но тебе надо извиниться перед ним.

– За что? Это мой мячик, – я утирала слезы и смотрела на потускневший кусочек резины, местами начавшейся трескаться от сухости, времени и рук малышей.

– Это не твой мячик, просто ты с ним часто играешь, – голос воспитательницы был привычно назидательным, но в глазах было полно любви, словно я была целью и причиной её жизни.

– Не буду я извиняться, он отнят у меня мой мячик, – всхлипывала я и вытирала кулачками глаза. Слезы высохли, оставив на ресницах едва заметные кристаллики соли. – Мой.

Татьяна Павловна выдохнула, посмотрела на Павлика, который был не прочь кинуться в догонялки с уже игравшими ребятами, лишь бы отвязаться от нас. Моих извинений ему точно не надо было.

Наконец воспитательница сдалась, отпустила нас обоих, мне отдав мяч, а Павлику подарив улыбку. Тот с шумом вздохнул и ринулся в водоворот детей и искренней радости. Я же вернула себе свой мячик, положила его в кармашек платья и пошла к девочкам заплетать куклам косички.

После полдника мы всей группой что-то делали, вроде, город из песка, как кто-то из старших с соседней площадки не выкрикнул: «Паровоз. Паровоз!»

Мы замерли и как по команде повернули головы сначала в сторону источника шума, затем на дорогу. Да, это была среда, и это был паровозик, который два раза в неделю проез-

жал мимо садика и катал всех желающих. Мы мигом рванули к шкафчикам, достали приготовленную заранее сумму и кинулись обратно. С точки зрения бизнеса – беспроектный вариант: родителей рядом нет, которые могли бы ещё подумать и отговорить детей, а дома последние все равно выключат деньги на карманные расходы. То есть на паровозик.

Хотя это с любой точки зрения хорошо. Нам было весело, особенно учитывая то, что садик был на другом конце двора, который даже тогда не казался каким-то необъятным. Просто обычный двор, на пересечение которого уходило минут пять, если не отвлекаться на кошек или размышления.

Покатавшись, я прощалась со всеми, пролезала через дырку в заборе садика и бежала домой.

Иногда меня забирали мама или папа. Татьяна Павловна не выдержала как-то и высказалась:

– Инесса – хороший ребенок, активный. Но она, – воспитательница посмотрела на меня, затем на маму. – Но она часто плачет. По любому поводу.

– Не замечала, чтобы дочь была плаксой, – тогда меня забирала мама. Она в тот вечер была серьёзной и собранной.

– Вы уходите или ваш супруг, и Инесса в слезы, – Татьяна Павловна смотрела то на меня, то на маму взглядом, словно это она довела меня до слез. – И вообще, бывает, что её кто-нибудь толкнет – Инесса заплачет. Как у вас дома?

– Делает, что хочет и когда хочет. Капризничает, так

обычно все дети делают, – мама смотрела на меня. – Это нормально в их возрасте.

– Поговорите с супругом, возможно, – начала воспитательница.

– Я поняла. Уже поздно, мы пойдем, – мама взяла меня за руку и утащила домой.

Не то, чтобы я была плаксою, но слёзы проступали на глазах более-менее регулярно. Скорее всего, в меня изначально заложено сострадание к ближнему. Хотя это и любовь к себе. Своеобразная, только зарождающаяся и невинная. Но надо дать скидку на детство – большинство детей просто не хотят расставаться с родителями, бояться сделать что-то новое, опасаются наказания за любой поступок, даже если завязал шнурки не тем узлом, и они в самый ответственный момент развязались.

Наблюдения за собой, другими повзрослевшими взрослыми и детками своего театра показывают, что не все, вырастая, перестают бояться делать шаги в неизведанное и постигать другие плоскости и грани жизни. Большинство считает, что лучше держаться за привычные устои, чем вписываться в новый проект, в котором понятно пока только название, но даже конечная цель скрыта за белёсым туманом задумок и предположений. Видимо, уже тогда я готовилась к неизведанному будущему, в котором не будет места слезам и любым проявлениям слабости.

Только слёзы радости.

И они будут. Были и будут.

Школа была местом не только концентрации знаний, но и дружбы. Юля – одна из подруг детства, для которой у меня свой уголок в памяти. У Юли были сестрёнка и братишка, и все младшие, за которыми она ухаживала. Оба её родителя выпивали, поэтому драк и ссор было в два раза больше. Она, как и я, готовила своим младшим, убиралась, гуляла. Наша картина мира была в выдержанных тёмно-серых тонах с редкими светлыми пятнами: всё же радость иногда навещала нас. Были спокойные вечера, были признания любви мелких, было просто хорошо. Тогда не было деления «хорошо» или «плохо»: мы не видели другой жизни, поэтому спокойно проживали свою, считая, что так и должно быть.

И сейчас я стараюсь придерживаться того взгляда, что подобные сравнения и деления с чёткими гранями не даёт никаких положительных плодов, кроме постоянного сравнения и выбора в какую сторону двигаться. Нет границ, есть только очертания, которые ты вправе пересекать в зависимости от обстоятельств и сложившихся фактов.

Но был момент, который как раз стал той чёткой границей, прошедшей по памяти отца. Мне было лет пять, когда у нас одних из первых в городе появился Запорожец. Бежевый, блестящий, шумный – он привлекал внимания всех, включая заинтересованных в его порче людей. Да, многие

завидовали отцу, что он смог. Без блата, а только своими силами и головой. Он, автомобиль, единственный напоминал об отце, когда его не стало: одиноко стоял во дворе почти напротив окон. Куда девать и что с ним делать – непонятно было. Сейчас ты сфотографировал авто, выставил на сайт, написал цену и ждёшь. Тогда же машины только появлялись, а до появления интернета и мобильной связи оставалось ещё лет десять.

Машину подожгли прямо во дворе, не стали даже угонять. Не помню, но мы тогда крепко спали. Глубокой ночью прибежали соседи и закричали: «У вас машина горит».

Это произошло через месяц после переезда на ул. Чулман, 17.

Мы выбежали. Яркий факел огня и прошлого заполнил двор. Сначала стало холодно так, что скрутило живот. Затем по спине стали скатываться капли пота. Жар огня, казалось, проникал через кожу, вены, кровь и начинал выжигать тебя изнутри. Крики о помощи никого не выманили во двор: все молча смотрели из окон. Спустя минуту на мои плечи легли холодные ладони мамы, рядом была сестра. Мы стояли, смотрели и не могли ничего сделать. Просто стояли и просто смотрели, как наша машина горит.

Авто ушло также быстро, как папа. Остались лишь воспоминания и кучка железа. И это стало ритуальным костром прощания, после которого начался новый этап.

В школу я пошла без знакомых, которые остались в старом дворе. Никого я больше не видела, хотя до сих пор живем в одном городе. Поэтому заступиться за меня было некому. Моя сестра же в новой школе быстро нашла подруг, с которыми и гуляла, периодически беря меня на прогулку.

Перестройка, тогда машины только появляются на непригодных для них дорогах. Было страшно переходить любую дорогу, не говоря уже о перекрестках.

Мы пошли гулять. Сестра, я, её подруга Наташа, которая приехала на велосипеде. Я с жадностью рассматривала его, определяя смогу ли когда-нибудь покататься на таком же или подобном. За разговорами мы подошли к концу двора, где надо было переходить дорогу: без светофоров и пешеходных переходов. В общем, страх, гул, клаксоны и ругань из пролетающих авто. Мы стали переходить, вернее, пробовать это сделать. Девочкам – не знаю, но мне было страшно. Сестра перешла быстро, Наташа же просто переехала на своём велосипеде. Я одна осталась на другом краю.

– Инесса, иди уже, хватит стоять, – кричала мне сестра и протягивала руку с противоположной обочины. – Нет ведь никого.

– Мне страшно, – я то оглядывалась, то вжимала голову в плечи.

Наташа не выдержала перепалки, вновь переехала дорогу и подтолкнула меня. Я в два шага оказалась почти на сере-

дине проезжей части. И так получилось, что со двора в тот момент выезжал автомобиль, который меня и сбил.

Интересно, ты следишь за собой как бы со стороны и в замедленной съёмке. Вот я падаю. Холодный асфальт. Сестры не вижу, как и Наташи. Где-то слева от меня автомобиль. Чёрный, кажется, он выделяется на асфальте. Какой-то назойливый шум, от которого хочется убежать. Потом темнота.

Без сознания я была минут пять. Это долго по меркам всего, особенно, ребёнка. Открываю глаза: надо мной кружатся люди, бегают, что-то спрашивают. Они словно под грязным и запотевшим стеклом. Звук откуда-то издалека идёт, не разберёшь, что они говорят.

Сделать вдох было очень больно. Прошло время, когда окружающий мир обрушился на меня со всем шумом, тревогами и ощущениями. Болело всё. Меня кто-то посадил и попросил встать. Я отказалась, ещё даже не видя ног и не ощущая ничего, кроме боли.

– Инесса, сможешь встать? – голос сестры начал возвращать меня в реальность. – Давай попробуем.

Правая нога была в крови, где-то внизу была видна одна из её костей. В общем, красоткой я была отменной. Кое-как дошли до дому – это сейчас вызов скорой стал более-менее привычным поступком для окружающих. Тогда же с собой и окружающими обращались как с кошками, искренне веря, что само заживёт.

– Что случилось? – мы не успели зайти в прихожую, как

мама уже разглядывала меня. Наташа с нами не пошла, сестра одна вела меня до дому.

– С велосипеда упала, – ответила сестра. Затем посмотрела на меня, увидела, что я опёрлась о стену и стала раздеваться, и оставила один на один с болью и расспросами мамы. – Наташа дала покататься, Инесса упала. Не умеет ведь.

Я даже рта не смогла открыть, чтобы хоть что-то ответить или защититься. Эта функция у меня приобретённая, поэтому тогда я принимала всё, как есть, не пробуя защитить себя и свою репутацию, рассказать, как было на самом деле.

Это даже хорошо. В будущем подобное поведение помогло мне во многом: не жаловаться, не искать виноватых, не оправдываться – качества, которые стали для меня решающими, потому что это лидерское поведение.

Шоколад

Тем летом мама отвезла меня на всё лето к бабушке по папиной линии. Та меня выходила, вылечила, научила заново ходить. Это было время, когда ты что-то хочешь понять, но в силу малого жизненного опыта и ещё неумения делать выводы, просто складываешь всё в тайник пройденных уроков. То лето для маленькой Инессы было периодом, когда наконец начинаешь прятать слезы и своё истинное настроение от окружающих, считая, что так будет проще – за броней безмолвия и стойкости. Сейчас понимаю, что тогда меня что-то колыхнуло внутри, но я не успела это отрефлексировать и осознать. Понимание своего будущего пришло немного позднее – я смогу всё.

Чайная ложка не дёгтя, но жгучего перца в банке с шоколадной пастой всё же осталась. Я до сих пор иногда телом ощущаю последствия того происшествия: периодически отказывает правая рука, болит в непогоду нога. Плюс работа на заводе через несколько лет «подкосила» немного и спину. В общем, в копилке опыта прибавилось много новых ощущений.

К слову, о шоколаде. Его у нас было, но немного. При папе мы иногда пробовали это лакомство: он приносил с работы по батончику. Когда отца не стало, сладости в доме почти не появлялись. Я это компенсировала краской для волос.

В школе я не хотела быть неприметной, поэтому начала красить волосы в разные цвета: красный, синий. В очередной раз купив краску шоколадного оттенка, я оставила её в ванной, а сама пошла на кухню разогреть младшей обед. Тогда у нас гостила бабушка.

Спустя минут сорок я зову сестру есть. Её нигде нет. Обычно она радостная бежит на кухню и щебечет что видела в снах, что делала и что надумала. Но тут – тишина. Наконец, зайдя в ванну, я вижу картину: бабушка вместе с внучкой – моей младшей сестрой – сидят на краю ванны и едят приготовленную краску для волос. Выглядела она точь-в-точь как кружка густого горячего шоколада.

– Ты смотри, какая она, сама ест шоколад, а сестре не даёт, – пробурчала бабушка и полезла ложкой в банку с краской-«шоколадом».

– Это краска для волос, – произнесла я, еле сдерживаясь то ли от смеха, то ли от обиды. – Я хотела волосы красить.

Все выжили, благо не успели они съесть всю банку, но настроение в моменте подняли.

Насколько мы порой обманываемся собственными глазами, чутьём, осязанием. Либо это тотальная вера в зло во-круг? Насколько открытым должно быть сердце, чтобы замечать каждую мелочь и откликаться на любое изменение?

В семь не стало папы. Я пошла в школу. Мной никто не за-

нимался, естественно, я стала отставать. Но на предложение со стороны завуча отдать меня в коррекционный класс только вызвало у мамы раздражение: «Все у неё в порядке». Но во втором классе все же я стала учиться с отстающими: не успевала делать домашние задания и в целом не все могла даже прочитать.

Проучилась так я два года. После чего мы переехали на Химиков, 72. Я перешла в другую в другую школу – как раз мне было уже десять лет – в пятый класс. И спустя всего четверть педагог не могла поверить, что я была отстающим ребёнком.

«Хорошие знания на адекватном приемлемом уровне, – восклицала она на итоговом собрании по четверти. – Инессе есть, что можно подтянуть. Но это норма. Она отлично учится и сдаёт все домашние задания».

Переезд в новый район для меня был очень сложным. Там я узнала, что бывают женские драки, и вообще это норма в подобных районах и, в частности, в этом. Такие «неблагополучные» районы обходят стороной.

Помню, мы подростками сидели во дворе – я была «своей» в компании родной старшей сестры – и обсуждали новый только вышедший фильм. Видим, мимо идут две девочки. Не скажу, что вплотную, но во взглядах можно бы прочитать всё: они точно хотели драться. Это спустя годы, наработав

и набив опыт, понимаешь, как было хорошо мне и как плохо этим девчонкам: насколько их наскучила или достала жизнь, что они при каждом удобном случае готовы лезть на острие бессмертия, чтобы проверить прочность жизненной стали. Но тогда всё показалось прозаичным и понятным: очередным прохожим не понравился мой цвет волос: тогда он был цвета переспелой вишни. Может, и было все подстроено – сейчас это не выяснить, да и неважно. Судьба в любом случае сделает это, если надумала.

В общем, я поднялась со скамьи и спросила одну из этих лезущих на кулак:

– Тебе чего?

– А ты кто такая, чтобы отвечать тебе?

– Ещё раз, что не так с моими волосами?

Как видите, разговор был не очень содержательным и продуктивным. И когда они меня позвали кивком, я вышла. Завязалась драка. Вблизи они оказались крупнее и старше. Так и вышло: одной их них было тринадцать, другой – четырнадцать.

Разодрали куртку, выдрали клочок волос. Так короткая джинсовая юбка, которой было всего десять дней, получила разрез сзади. Модно, конечно, но не в такой ситуации это делать. Женщины, действительно, сильнее мужчин за счёт своей дикой природной ярости, особенно, если стычка происходит за право обладания ближайшим здоровым самцом. В нашем случае всё было чуть проще, но сила грызения от этого

не снизилась. Нас не растащили, просто девочкам досталось от меня, хотя как и мне.

Дома я появилась красавицей, которую можно было сразу забирать сначала на медицинский осмотр, затем в отделение. Мама молча осмотрела меня, вздохнула и, махнув рукой, ушла дальше отдыхать на кухню, где она попутно что-то готовила. Что было потрясающе. Отчим же смотрел, как я медленно стаскиваю с себя куртку, разуваюсь, иду в ванную. Стоя в проходе и наблюдая, как я умываюсь, он спросил:

– Инесса, надо подать заявление в милицию. Ты понимаешь, что нельзя так это оставить? – ладони в карманах домашних брюк, казалось, стали тверже камня.

– Что именно? – мне сложно было говорить, я лишь в зеркале увидела, что над губой вспухает синяк. Хорошо, что зубы на месте.

– Вот это, – отчим был неподвижен. – Не верю, чтобы ты первая полезла на кого-нибудь. Значит, на тебя напали.

– Не нападали на меня, – я аккуратно промокала лицо полотенцем. – Не надо никуда и ничего. Я устала и хочу полежать.

Он сделал шаг назад, выпуская меня из ванной, и только я зашла в свою комнату, как раздался звонок в дверь. Говорят, интуицию надо развивать, потому что она помогает нам неосознанно избегать ловушек наших врагов, в том числе внутренних и неосязаемых на физическом уровне. Казалось, у меня она срабатывала не всегда, но каждый раз по де-

ду и в точку. Отчим открыл дверь и на пороге оказался отец Кати, та же стояла за спиной родителя.

– Привет, – Павел Николаевич вошёл в квартиру, попутно протягивая моему отчиму руку для рукопожатия. – Ваша Инесса попала в драку.

Я глянула на Катю, которая также вошла и теперь стояла, вжавшись во входную дверь. «Донесла отцу. Ну зачем?» – мысленно я спросила подругу, но та только смотрела на меня, будто это её избили, и ей сейчас попадёт за порванную одежду, а не мне. Хотя, мне не попало, мне редко когда попадало – это однозначно плюс того, что тебя в целом мало замечают и интересуются.

– Попала, – ответил отчим и глянул на меня. Я подошла поближе. – Что предлагаешь?

– Однозначно идти в милицию и заявление писать. Я и пришел из-за этого, – теперь он смотрел на меня. Невысокий, инженер, но даже тогда уже нетипичный: мог постоять и за себя, и за свою семью. Попадали под его крыло и другие семьи. И вот я. – Инесса, собираешься в милицию идти?

– Я собираюсь пойти полежать, отдохнуть, – выпалила я, словно пробежала стометровку. Сердце почему-то хотело сбежать, ладони вспотели. – Я устала и мне нехорошо.

– Отдохнешь позже. Понимаешь, что так нельзя оставлять? – Павел Николаевич почти не моргая смотрел на меня. Его уверенный негромкий голос мог бы озвучивать медитации. – Собирайся, поедem в милицию. Я за этим и пришел.

Знал, что откажешься.

Я посмотрела на отчима. Мама даже не вышла из кухни, оттуда лишь доносился запах жареной колбасы.

– Не пойду я никуда, – пожалала я плечами, обвела всех взглядом и хотела развернуться уже, но отчим успел ухватить меня за локоть. Я вскрикнула, потому что чуть выше зарождался чудный синяк.

– Пойдешь, одевайся. И не сопротивляйся. Ты несовершеннолетняя, должна слушаться старших. Если не пойдешь, вызову участкового. Он быстро разговорит тебя.

Я понимала, хотя это случилось позднее, что все хотели мне добра, но в то мгновение мне захотелось выкрикнуть, чтобы сами шли, куда хотят, и держали своё мнение о моей жизни при себе. Я уж как-нибудь без них разберусь.

Через сорок минут мы были в отделении. Я написала заявление об избиении и то, что эта девочка сейчас якобы вымогает у меня деньги за золотой браслет, который я сорвала с неё в драке и украла.

Оказалось, что мы с ней разминулись. Они с мамой вышли отсюда минут десять назад, написав на меня бумагу первыми. Что самое удивительное, что спустя пару дней девочка эта подошла ко мне на перемене – благо, у нас были свидетели в виде моих знакомых – и сказала, даже приказала, вернуть ей деньги.

– За что? – я пожалала плечами. – Что вы порвали мне всю одежду?

– Ты украла у меня браслет, – и девочка коснулась левого запястья. – Гони денег.

– Ничего я не крада у тебя. Больно надо, – смотрела на неё и пыталась понять, насколько она верит сама в свою ложь. Мысли материальны, да. Это отличное тому подтверждение. – Не буду я платить, потеряла, ищи сама.

Оказалось, вера в себя у неё была на высшем уровне, потому что на следующий день она назначила мне встречу, на которой опять пыталась вымогать деньги за браслет, который не знаю, был ли вообще. На второй или третьей встрече нас задержали. Вернее, её, мне пришлось опять давать показания и несколько часов провести в тёмном отделении милиции, куда лучше не попадать ни по какому случаю. Ну, только если ваша любовь работает там.

Мама девочки забрала заявление через два часа после задержания дочери. Я предложила отчиму забрать и моё, но меня никто не стал слушать.

– Но ведь не было вымогательств. Не было браслета, – упрашивала я, слез не было, но внутри все обливалось солёным потоком.

– Ты несовершеннолетняя, многого не понимаешь, – сказал на это отчим.

В итоге девочке дали два года колонии. Это ещё долго вызывало бурю эмоций в нашем дворе и соседних, и не только при моём появлении. При любых разборках стали выкрикивать моё имя, воспринимая меня как «красную»: то есть я

при любом случае иду стучать. Я никогда не была бандиткой, просто обычным ребёнком, который любит пошалить в свободное от родителей время. Но с тех пор я словно позволила себе нечто большее, чем просто существовать и терпеть кого-либо.

В сценарии к фильму это был бы один из поворотных пунктов, последствия которого неосознанно приведут меня туда, куда я подсознательно хочу: помогать младшим, поддерживать слабых.

Но не в плане нездоровых, а особых.

Ко мне стали обращаться девочки, которых задирали. Мне лишь надо было прийти на тусовку либо на «стрелку» с обидчиками. Меня тут же узнавали, шептали на ухо, что со мной лучше не связываться и уходили. Часто желали много хорошего, дальнего и попутного, но мне было всё равно. Я была словно за стеной, которая не пропускает ничего, кроме необходимого для существования воздуха.

Впрочем, это помогло мне отстоять позднее честь младшей сестрёнки, которую, как и меня, стали задирать. Я тогда уже несколько лет снимала квартиру. Позвонила мама и, не спрашивая, как у меня дела, выпалила:

– Твоя сестра закрылась в комнате, никого не впускает. Не ест уже неделю, – в голосе мамы непривычно было слышать слезы. Она не плакала, но тон и дрожь голоса говорили

сами за себя.

– Что говорит? – спросила я. Ничего подобного на моей памяти не было. Она росла общительной и добросердечной девочкой.

– Ничего не говорит, – тон маминого голоса полез вверх. В трубке возникли посторонние непонятные шумы.

– Инесса, привет, – это уже говорил отчим. Видимо, мама не смогла сдержаться. – Она мало что говорит. И учителя молчат. Просто приходит домой и сразу запирается в комнате. Почти не ест. Глаза красные.

Это был перебор для описания состояния моей сестрёнки, которая выросла у меня на руках, которую я кормила, водила в садик, играла, гуляла. Через одиннадцать лет ничего не изменилось, я по-прежнему любила и люблю свою сестру.

На следующий день я после работы поехала в отчий дом и предложила сестре сходить в Макдоналдс. Они с родителями редко выбирались куда-либо, и я надеялась, что это поможет бы ей расслабиться и раскрыться. Сработало.

– Расскажи, что случилось? – мы сидели за небольшим столиком в почти пустом заведении. Было тихо, даже музыку приглушили, будто догадывались, что разговор будет непростым.

– Девочки пристают, – спустя минуты две ответила сестра, не отрывая взгляда от стакана с газировкой. – С нашей улицы.

– Они старше тебя? – внутри все закипало, но внешне я

держалась и выглядела спокойной.

– На год или два, – тихо ответила сестрёнка.

– Вы дрались?

– Ну, – голос дрожал. – Инесса, я не умею драться, да и не хочу. Они просто не дают пройти мимо их двора, словно караулят.

– Вы дрались? – я повторила свой вопрос. Ногти впились в ладони, почему-то стало жарко.

Сестра молчала. Она доела последние ломтики картофеля, допила колу и отодвинула поднос. Затем почему-то коснулась левого бока.

– Они дрались раньше. У меня синяк один не заживает, – тихо вымолвила она наконец, сглотнула и коснулась грудной клетки.

– Дай посмотреть, – я пересела к сестре и безцеремонно подняла её свитер. На левом боку тёмным огнем рисовался синяк. – Больно дышать?

– Да, и поворачиваться в любую сторону.

– Да у тебя перелом рёбер может быть. Тебе в больницу надо, – воскликнула я так, что менеджер за кассой посмотрел на нас. – Пойдём в травмпункт. Он тут недалеко должен быть.

Сестра недолго сопротивлялась. Хвала тому или тем, кто там наверху наблюдает за нами, всё было цело, рентген показали лишь трещину в рёбрах.

Мир такой тесный, особенно, если он заключён в неболь-

шом городке в стадии становления и развития. Поэтому найти адреса и телефоны этих девочек мне удалось на следующий день. Я всегда была общительной, поэтому друзья у меня были. Набрала номер Ирины: у меня был сотовый кнопочный телефон.

– Ирина, я сестра твоей соседки по двору, которую вы почему-то сильно любите, – начала я сразу. – Меня зовут Инесса.

– И что, Инесса? Никто твою сестру не трогает. Не надо угрожать, я отцу скажу, – мне показалось, что она задумалась на мгновение, голос в конце слегка дрогнул, будто последние слова были однозначным фейком.

– Я не угрожаю. Просто прошу не трогать мою сестру больше, – я была спокойной. Почти спокойной.

– Инесса? – спросила Ирина после долгой паузы. – Так она твоя сестра?

– Да. И я лишь прошу не трогать её.

На этом мы распрощались. И больше сестрёнку мою никто не беспокоил.

Никто не скажет, как может помочь та или иная ситуация, пока ты не оказываешься в другой подобной или противоположной, но после тебя наступают такие инсайты, что волей-неволей признаешь: нет никакого «трудного детства», «переходного возраста», «поломанных судеб» – чем обычно

мы пугаем друг друга и себя, из поколения в поколение переносся поговорки и страхи. Есть опыт и наша жизнь, в которой ничего не происходит просто так. Есть возможности и наши желания, иногда встречающиеся с желаниями других людей – так и возникают условные «конфликты»: это лишь мы не получаем что хотим и перекладываем за это ответственность на своего партнёра. Неважно кто это: продавец, муж, коллега, партнёр, сосед – каждый человек – партнёр нам, которого мы встречаем в необходимый момент.

В общем, сестрёнка оправилась и стала вновь наслаждаться жизнью. Я же пошла своей.

Репетиция сценария жизни

Детство требует активного изучения, ничегонеделания. Я же не ощущала детства, да и надо было помогать семье, денег нам не хватало даже с помощью из школы. Поэтому в 11 лет мы с подругой решили найти подработку. Спустя недельного поиска наткнулись на набор менеджеров от косметической компании Avon. Пришли, нам провели мини-лекцию про косметику и важность ухода за собой. Тогда впервые что-то щёлкнуло: «Как, женщина ещё и может ухаживать за собой?»

Для меня это был тогда иной мир, словно Джей Ло, которой после года выступлений в сомнительных ночных клубах пригласили участвовать в мюзикле и гастролировать по Европе. Лишь один момент: Лопес уже была совершеннолетней, мне же пришлось оформиться на работу по документам матери.

Всё в мире связано, каждая наша мысль влияет на поступки другого. Учёными давно доказано, что есть такое понятие как «коллективное сознание»: вселенная всегда будет подтверждать наши мысли. Если каждый из нас начнёт думать, что вокруг всё плохо и мы живем и работаем в ужасной компании, городе, стране – так и будет. Но это действует и в обратном направлении: если мы решим, что компания, двор, государство делают всё для нашего блага – так и будет.

Поэтому, возможно, моё оформление на работу по чужим документам стало толчком, который подсознательно позволил матери требовать денег, которые по факту заработала я, но по документам – она. Или же я оправдываю её поведение? С 16 лет я работала уже по своим документам, но требование денег от матери так и продолжались.

В Авон я проработала почти семь лет. Это было время открытий, знакомств и первых денег, которые я тратила на семью.

В детстве не хватало поддержки. Мне приходилось всего добиваться самой, пробиваться там, где могли был вступить за меня родители. Это не камень в пучину детских воспоминаний, это лишь подтверждение того, что тому, где я сейчас, я обязана родителям.

Но были и чудесные мгновения, которые память почему-то не всегда хочет показывать. Мне было лет шесть, когда мама работала в киоске, продавала всякую мелочь типа шоколада, зажигалок, сигарет и прочих радостей в жизни человека маленького городка. Киоск был недалеко от нас, поэтому я могла прийти к ней в любой момент.

В тот день у неё был приход товара. Я после садика забежала к ней и обомлела: блоки сигарет, коробки с мелочью, пакеты с едой. И среди этого моя мама, которая из-за невысокого роста и чуть пухлых форм смотрелась школьницей.

Мы стали принимать товар, оформлять бумаги, считать количество. Это было волшебно и по-настоящему по-семейному – иначе не могу сказать. Между нами возникла паутина близости, ещё почти незаметная и непрочная, но в тот день я стала догадываться, про что говорят психологи, когда говорят про «настоящее детство».

Ближе к вечеру, когда мама увидела, что я стала потягиваться слишком часто, оторвалась, казалось, от нескончаемого числа коробок, и спросила: «Кушать хочешь?»

Я вскинула голову. Конечно, я всегда хотела есть. Растущий организм требовал подпитки постоянно. Кивнула. Мама улыбнулась, отложила бумаги, порылась в карманах и, ничего не сказав, вышла из киоска. Вернулась она минут через пять с пластиковым контейнером, который поставила передо мной – я удобно сидела за импровизированным столиком, который был по совместительству прилавком.

С детства не переношу картофельное пюре, но в тот день мне пришлось его съесть. Мама принесла пюре с котлетой. Положила передо мной вилку, слегка погладила по голове и вернулась к работе. Я же посмотрела на неё, затем на еду и на какое-то мгновение замерла. Было слишком хорошо для реальности. Несмотря на нелюбимое мною блюдо, рядом была мама, которую я люблю, несмотря ни на что и ни на кого. Сейчас какой-нибудь писатель назвал бы это «сюром»: нереальностью и невозможностью происходящего, но я это ощущала каждой клеточкой своего тела. Ужин я съела как все-

гда быстро – без покрытия физиологических потребностей никуда.

Мама потратила дневной заработок, чтобы купить мне обед. По району каждый день ходила женщина, которая продавала обеды работникам рынка. Тогда я съела и не подумала, что мама тоже голодная. Лишь сейчас я понимаю, что она отдала мне последний обед, если она вообще планировала есть.

Вечером мы вместе пошли домой. Я продолжала делиться новостями из садика и своими рассуждениям по поводу некоторых «коллег». Мама, казалось, внимательно слушала, потому что иногда посматривала на меня и что-то спрашивала. Дома же день закончился как обычно, но тогда мне было всё равно: день с мамой насытил меня во всех смыслах. Спать я легла наполненной, как принято сейчас говорить. И не ужином, а новыми ощущениями и эмоциями.

Из дома мне не дали сбежать. Вернее, позволили, но ненадолго. В свои четырнадцать я ощущала себя жутко взрослой. И это было объективное восприятие мира. Младшая сестра была мне дочерью, уход за которой лёг полностью на мои плечи. Продукты и готовка всегда были на мне. Отчим видел это и помогал, конечно. Но в какой-то момент он сдался. Хотя это другая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.